

ЛЮДИ И ГОДЫ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЕТОВ: «НАДО МЕНЯТЬ ОТНОШЕНИЕ К ФИЛОЛОГАМ»

О филологическом образовании, о жизни за границей, о студентах мы беседуем с заведующим кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета РГФ профессором Алексеем Александровичем Кретовым.

– Читайте Вашу биографию и понимаю, что всего этого мог добиться только очень целеустремленный человек. Какие Вы ставили себе цели, и каким себя видел в будущем, к примеру, двадцатилетний Алексей Кретов?

– Никакого представления о будущем у меня не было. По окончании школы я знал только одно: математика, физика, химия – это не мое. И я наивно полагал, что в жизни мне математика никогда не понадобится. Когда родители спросили, куда я хочу идти учиться, то я ответил, что поступлю на филфак, потому что вся Африка еще не говорит по-русски, и мне есть чем заняться. Поскольку я вырос в семье вузовских преподавателей, в атмосфере работы со студентами, я, видя настроение родителей, очень остро чувствовал, как это плохо, когда студенты недобросовестно относятся к учебе. Поэтому я сам себе дал совет регулярно заниматься, думать о сессии. Тогда мне казалось, что самое главное в моей жизни – как можно лучше учиться. Может, поэтому мне удалось много «взять» от преподавателей в университете. В то время был самый расцвет филфака. Еще мне повезло, что наш курс был очень сильным. Сейчас из моих бывших однокурсников почти каждый пятый стал кандидатом наук, и почти каждый десятый – доктором наук. Когда пришло время получать диплом, оказалось, что у нас на курсе было 3 человека, не получивших за все пять лет ни одной «четверки». Я был одним из них. То, что был такой сильный курс, побуждало нас всех думать, спорить,

читать, обсуждать. Как писал А.И. Герцен о своих сокурсниках: «Мы росли тем, что «терлись» друг об друга». Что-то похожее было и у нас. Когда я окончил университет, меня на три года оставили на кафедре преподавателем – вести занятия по практике русской речи. Это время, как мне тогда казалось, было временем интеллектуальной деградации. Потом я поступил в аспирантуру.

– В чем проявлялась деградация? В том, что приходилось не учиться самому, а учить других?

– Наверное. Время уходило не на чтение научной литературы, а на подготовку к занятиям и освоение методических тонкостей. С наукой так: для того, чтобы костер разгорелся, надо достичь какой-то критической температуры. После этого костер будет гореть долго и легко, и лишь изредка нужно будет подбрасывать туда дрова. Это значит, что для начала надо усвоить какую-то критическую массу научной литературы. После этого «огонь» «загорается» и «горит» долго. Я был удивлен, когда действительный член РАН Юрий Дереникович Апресян как-то в разговоре сказал, что в последнее время почти ничего не читает. А это человек фантастической эрудиции. Теперь я его понимаю. Он достиг такой «высокой температуры» что уже не нуждается в чужих работах. Наверное, это то, к чему каждый стремится: создать свою систему понятий, координат и работать в ней.

– А Вы достигли «критической температуры»?

– Да, давно; и сейчас вслед за Юрием Дерениковичем могу сказать, что читаю мало. Но когда пишешь статью или книгу, обязательно изучаешь то, что имеет отношение к данной теме. Просто теперь, когда есть своя позиция, легче оценивать чужие работы.

– **Что было после аспирантуры?**

– Начались поиски себя, продолжение научной работы. Была трехлетняя командировка в Финляндию, преподавание русского языка в Хельсинкском университете. Эта поездка много мне дала и в научном, и в мировоззренческом плане. В 1985–1988 годы началась перестройка, и многие люди, которые раньше были невыездными, смогли посетить Хельсинки. Там я впервые повстречался с Ю.Д. Апресяном, увидел И.А. Мельчука, там познакомился с Ю.М. Лотманом, членами его кафедры, там встречался с Г.А. Золотовой, Т.М. Николаевой, В.П. Григорьевым, Людмилой Петрушевской, Андреем Битовым, Владимиром Дудинцевым и многими другими замечательными людьми. На 1996–1997 учебный год я был командирован в Испанию в Лионский университет. В чужой стране было такое ощущение, что тебя, как дерево, выдернули из почвы, куда ты врос корнями, и подвесили в воздухе: ты никого не знаешь, тебя никто не знает. Дополнительно к 16 часам преподавания русского языка в неделю мне пришлось по 15 часов в неделю изучать испанский. Вначале я, конечно, испытывал дискомфорт: представьте себе взрослого человека, который может выразить свои мысли на уровне трёхлетнего ребенка. Никому не пожелаю такого состояния. Но к декабрю я уже заговорил по-испански. В свободное от работы время я развлекался тем, что составлял морфемный словарь «Василия Теркина».

– **Я пытаюсь найти на «карте» «точки», которые привели Вас к настоящей должности заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики. С чего все началось?**

– Из Хельсинки я вернулся с персональным компьютером. Больше в университете его, наверное, в те годы ни у кого не было. Тогда и обозначилось компьютерное направление в моей научной деятельности и стремление заниматься компьютерной лингвистикой. Началось мое сотрудничество с факультетом ПММ, с Константином Савичем Рыбаком. Он тогда заведовал кафедрой математического обеспечения ЭВМ. Мне посоветовали обратиться к Ирине Евгеньевне Ворониной – ныне уже доктору технических наук, которая тогда читала лекции по искусственному интеллекту, что как раз было связано с областью моих научных интересов. Постепенно, при поддержке Зинаиды Даниловны Поповой,

заведовавшей в то время кафедрой общего языкознания и стилистики, Виктора Михайловича Акаткина, который тогда был деканом факультета филологии, мы открыли на филфаке группу компьютерной филологии. Там проводили дополнительные занятия и тем, кто окончил группу, выдавались сертификаты о получении дополнительной специализации. Поскольку никто не выделял денег на наши инициативные проекты, мы нашли способ обходиться без этого: давали студентам факультета ПММ темы, в решении которых были заинтересованы и филологи, и программисты. Так на протяжении 20 лет мы сотрудничали. В результате был открыт Научно-методический центр компьютерной лингвистики ВГУ. Благодаря помощи Владимира Тихоновича Титова, декана факультета РГФ в то время, и ректора Ивана Ивановича Борисова, сначала было создано отделение теоретической и прикладной лингвистики, а в 2002 году – и кафедра ТиПЛ. Так как я занимался подготовкой множества документов, учебных планов, программ кафедры, меня и назначили ею заведовать.

– **Я знаю, что у Вашей кафедры есть свой гимн, своя клятва и вообще своя атмосфера. Как это все возникло?**

– Все началось с первого набора студентов и с трех преподавателей, которые работали на кафедре с основания нашего отделения. Кроме меня это Инна Александровна Меркулова и Геннадий Данилович Селезнев. Геннадий Данилович был потрясающим человеком, подарком судьбы для нашей кафедры. Он был научно «многоязычен». Про него говорили: «человек-оркестр». Окончив физическое отделение, Геннадий Данилович овладел языком математики и физики. Кроме этого он живо интересовался биологией, химией, философией, лингвистикой и овладел языками всех этих наук. На нашем факультете он вел математические курсы для гуманитариев. Это не легкая задача, но Геннадий Данилович мог без труда объяснить самые сложные идеи буквально на пальцах. Он любил и глубоко знал синергетику. Наше отделение возникло из идеи соединить лингвистику и математику. Так вот, Геннадий Данилович, обладая знаниями в обеих этих сферах, давал нам тот самый искомый синтез. Это был фантастический человек. Кроме всего прочего, он был мастером спорта по альпинизму. Именно он предложил проводить посвящение первокурсников в Синицыно на берегу Лесного озера. С его легкой руки в этом году состоялось уже десятое посвящение, на которое мы выезжаем каждое последнее воскресенье сентября.

– **На одном из посвящений Вы сказали: «Из десяти студентов выживает один – суровый за-**

кон РФФ». Эта фраза – стимул для учащихся или, хоть и преувеличенная, но правда?

– Может, я когда-то и сказал так в шутку, но на самом деле пропорция иная. Выживает больше: из трех два. А столь сильную фигуру речи применил для того, чтобы студенты лучше прочувствовали ответственность и осознали те требования, которые к ним предъявляются. В этом учебном году в ректорате принято решение: отчислять учащихся даже с одной задолженностью. Я это воспринимаю как инновацию, а студенты – как неприятную неожиданность.

– В клятве студента кафедры ТиПЛ есть слова: «Если уж и сумею оторваться от практики занимательной, то не помчу сломя голову в Америки, дабы узнать, чем хорошо там, где нас нет». Как Вы относитесь к тому, что студенты уезжают работать за границу?

– В клятве речь идет о программе «Work and Travel». Студенты, которые в ней участвуют, полностью заваливают летнюю сессию. Поэтому я категорически против того, чтобы наши ребята, вместо того, чтобы учиться, мыли посуду в американских забегаловках. Что касается тех, кто уже с дипломом уезжает работать за рубеж, – это их жизнь, им решать.

– Есть множество студентов-филологов, которые не могут найти работу, бытуют разговоры о бесполезности филологического образования. Как Вы прокомментируете эту тенденцию?

– Это связано с самым главным – с сохранением русской культуры, русского языка и русских как феномена в истории человечества, как части человечества, причем очень ценной, талантливой и духовно богатой его части. До сих пор всё человечество кормится объедками с пиршественного стола русской культуры первой половины XX века. И если сформировано такое отношение к специалистам по родному русскому языку, то это говорит о том, что общество находится на краю гибели. Это отношение надо коренным образом ломать. Нам всем надо осознать, что в основе всего, чем мы занимаемся, лежит владение родным языком. В основе нашей национальной идентичности лежит наше родство с устным народным творчеством: песнями, сказками, загадками, частушками, а также с русской литературой, величие которой признано во всем мире. Альберт Эйнштейн говорил, что Достоевский как философ дает ему намного больше, чем профессиональ-

ные философы и математики. Свидетельств того, насколько плодотворна русская культура, огромное множество. Фаина Раневская жалела иностранцев, потому что у них нет Пушкина. Я иногда думаю: «За что нам такое счастье – Пушкин?». На этот вопрос ответил А.Т. Твардовский в своем стихотворении «К портрету Пушкина»:

*Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе,
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле;
Земля, хранившая веками
Заветы вольности лихой,
Земля, что столькими сынами
Горда передо всей землей;
Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник – народ, –
Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времен,
Родить и нынче гордо славить
Поэта, меньшего, чем он...*

Так вот, если мы хотим сохраниться как народ, то надо кардинальным образом менять отношение к филологам. В последнее время наметились положительные тенденции. Уже из самых высших инстанций можно слышать, что русская литература объединяет всех живущих в Российской Федерации. А недавно на Всемирном русском народном собрании было сформулировано определение русского человека, предполагающее самоотождествление человека со всем русским: языком, литературой, историей, культурой, православной верой. По-моему, это верно.

Когда мы учились, нас было сто человек на курсе. В этом году на весь филфак выделено 10 бюджетных мест. Выходит, в России не нужны учителя русского языка и литературы?

– Ведь многое зависит от государства.

– А государство от кого зависит? Кто выбирает Президента? Кто выбирает Думу? Как писал А.Т. Твардовский: «Но все, что стало или станет, / Не сдать, не сбыть нам с рук своих».

Так что мы с вами виноваты в том, что все это происходит. Что делать? Служить русскому языку, русской истории. Это долг каждого человека, отождествляющего себя с русской культурой.

Беседовала Светлана Шеина